

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ВЫП. XX

СТРАНЫ И НАРОДЫ
БАСЕЙНА ТИХОГО ОКЕАНА

Книга 4

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1979

Ю. В. Маретин

**ЭТНО-НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ
В ПОСЛЕВОЕННОЙ ИНДОНЕЗИИ
И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ**

Провозглашение Республики Индонезии в 1945 г. создало благоприятные условия для прогресса страны в целом и для развития многочисленных ее народов. В настоящее время вопрос о том, идет ли процесс внутригосударственной общенациональной интеграции в Индонезии, получает безусловно утвердительный ответ и в политической и в научной литературе. Разумеется, этнические процессы не сводятся только к консолидации одной нации или нескольких наций, проявление этих процессов многообразно, поскольку сам этнос имеет ряд определяющих его черт, которые отнюдь не статичны. Но именно национальная (и общенациональная, т. е. общегосударственная, добавим мы от себя) консолидация привлекает наибольшее внимание как ученых, так и политических деятелей, ибо консолидация как бы суммирует все текущие изменения и в каждом отдельном этносе, и среди всех этносов данного государства. Именно этот процесс, в каких бы формах он ни проходил, играет наибольшую роль в жизни современной Индонезии. Вопрос о путях этой консолидации, конкретная характеристика отдельных ее факторов и их значения в процессе общенациональной интеграции — все это имеет различное освещение в литературе; многие же аспекты до сих пор не проанализированы специалистами.

В сущности, анализ процесса национальной консолидации в Индонезии сводится к ответу на вопрос о том, в каких формах она здесь происходит:

1) сложилась ли уже единая индонезийская нация — *sat' u bangsa Indonesia*, или

2) в настоящее время идет ли этот процесс, или

3) идет параллельный процесс сложения отдельных наций при одновременном их сближении в рамках общеиндонезийского наднационального единства и с дальнейшей перспективой образования единой нации, или

4) этот процесс идет по линии консолидации ряда наций,

перспектива слияния которых в единую индонезийскую нацию является проблематичной, зависящей от многих обстоятельств и, во всяком случае, не близкой.

Процессы этно-национального развития народов Индонезии в их историческом, этнографическом (включая этнический, лингвистический и культурный аспекты) и экономическом проявлении были нами рассмотрены в специальных работах [6; 7; 8; 16, с. 111—172].

Как же обнаруживают себя этнические взаимоотношения в расстановке социальных и политических сил послевоенной Индонезии, т. е. в деятельности политических партий? Как в условиях унитарной республики проявляются центристские и центробежные тенденции этно-национального развития в жизни этих партий, преимущественно общенациональных? Иначе говоря, как отражается этнический плюрализм Индонезии на деятельности партий, подавляющее большинство которых признает наличие в Индонезии «единой индонезийской нации»?

К концу второй мировой войны и в начальный период существования республики идея общеиндонезийского национально-политического единства была преобладающей в Индонезии. Национальное движение, если говорить о том его аспекте, который связан с национальной консолидацией, в этот момент совпадало с национально-освободительным, так как преобладало внешнее направление борьбы, для успеха которого было необходимо максимальное единство народов страны. Иначе говоря, национальный вопрос превратился в национально-колониальный, в вопрос национально-освободительной борьбы [1; 2; 10; 20; 35; 40; 44]. На политику «разделяй и властвуй» индонезийцы ответили сплочением своих рядов. Даже народности, находившиеся в относительно привилегированном положении при голландцах, например христианизированные, выдвинули героев антиголландской борьбы; это, например, минахасы Сам Ратуланги и Роберт Монгинсиди, абмонцы Латухархари и Леймена, тоба Корнел Симанджунтак и Симатупанг и многие другие. За свободную единую Индонезию боролись и народности с наиболее ярко выраженным этническим самосознанием — минагкабау, аче и др. При этом нередко группы одной народности проявляли лояльность преимущественно по отношению к республике, но еще сохраняли взаимное недоверие и даже враждебность (тоба- и каро-батаки).

Эта цементирующая сила совместной революционной борьбы оказывает свое влияние и на текущую жизнь, включая и этнические процессы. «Если яванский крестьянин отождествляет себя более охотно с индонезийским государством, чем это делает балийский, а этот последний — более охотно, чем сумбавский крестьянин, разница может проистекать из различных ролей, которые каждый играл в революции», — отмечает американский исследователь Д. Скиннер [45, с. 8]. Революция объ-

единила также различные социальные силы страны, так как была революцией единого национального фронта. Об этом, кстати сказать, многократно говорили и писали Сукарно и другие лидеры общендонезийского национализма, стоявшие на позициях мелкобуржуазной революционности [14; 18; 27; 44].

Но, объединившиеся в ходе антиколониальной борьбы, эти силы далеко не обнаруживают единства в отношении стоящих перед страной внутренних проблем, в том числе и проблем этнического и национального развития [3; 5; 7; 17; 21; 32; 35; 49]. Положение осложняется тем, что рабочий класс страны и его партия не смогли оказать решающего влияния на политическое развитие страны; у руководства оказалась мелкая буржуазия. Причина этого заключается в слабости индонезийского кадрового пролетариата, особенно во Внешних Провинциях, в ошибках лидеров КПИ, а также в том, что Индонезия — страна крестьянства и мелкой буржуазии, причем больше половины крестьянства еще идет за буржуазией.

В самом деле, в начале 60-х годов общая численность пролетариата и полупролетариата в Индонезии определялась в 6 млн. человек, из них кадровые индустриальные рабочие (фабрично-заводские, горняки, транспортники) составляли около 650 тыс., рабочие кустарно-ремесленной городской промышленности — около 2 млн. 500 тыс. (вместе индустриальные рабочие и ремесленники составляют не более 6% самодеятельного населения страны), плантационные — 800 тыс., занятые на лесоразработках — до 280 тыс., сельскохозяйственные рабочие, т. е. батраки, — около 2 млн. человек. При этом в горной промышленности очень много сезонных рабочих, а среди плантационных их количество достигает 50%, т. е. 400 тыс. человек. Более 30% рабочих и служащих промышленных предприятий — женщины, а на плантациях они составляют 45% рабочей силы [12, с. 109 и сл.; 46, с. 28 и сл.]. При этом большая часть рабочих кустарных мастерских сосредоточена на Яве, а плантационных рабочих — на Суматре (из них большинство — яванцы). Преобладающее количество рабочих распылено по мелким и мельчайшим предприятиям. В 1963—1967 гг. вследствие экономической разрухи и террора (после 30 сентября 1965 г.) многие предприятия резко сократили или даже вовсе прекратили работу, что увеличило во много раз безработицу (подробнее см. нашу статью [6, с. 47, 55—56]).

Чрезвычайно важно проследить территориальное размещение кадровых рабочих, сложившееся к началу 60-х годов и при некотором увеличении абсолютной численности в последующие годы не претерпевшее принципиальных изменений в процентном распределении по островам. В приводимых ниже данных [23, № 4, с. 3] учтены также рабочие так называемых цензовых предприятий, т. е. таких предприятий, которые насчитывают не менее 10 рабочих или имеют механический двигатель.

Ява	408 932
Суматра	32 640
Калимантан	7 607
Сулавеси	3 988
Бали	3 224
Нуса Тенггара	2 015
Молукки и Западный Ириан	220

Слабость индонезийского рабочего класса означает, что, несмотря на давние революционные традиции, он не мог сыграть более значительную роль в определении общих судеб страны, что в борьбе за то или иное решение национального вопроса он не имел возможности защитить свою собственную программу, уступив руководство национальной политикой в центре и на местах буржуазии [3; ср. 15]. В конечном счете буржуазное центральное правительство решает основные вопросы, касающиеся национального строительства, не только в тех районах, где нет пролетариата или он только зарождается, но и там, где есть местный пролетариат.

Крестьянство, составляющее более 80% населения страны [23, № 4, с. 37], заинтересовано в решении прежде всего аграрного вопроса. И в этой связи, этнически принадлежа к вполне определенным группам, оно в политическом отношении готово поддерживать те силы и партии, которые поставят своей задачей наделение крестьян землей. И поэтому крестьянство готово поддерживать национальную политику этих сил и партий — будь то унитаристская, федералистская или сепаратистская политика [50].

Буржуазия является в современной Индонезии тем классом, который держит бразды правления в своих руках и направляет национальную политику. После 1945 г. происходит неуклонное развитие капиталистических отношений вширь при преимущественном росте торговой и мелкой сельской буржуазии (в связи с производством экспортных культур) и при значительном ослаблении позиций феодальной аристократии [11; 13]. Наряду с этим чрезвычайно выросла бюрократия, стремящаяся к вложению своих денег, как правило приобретенных нечестным путем, в ту или иную сферу приложения капитала. Эта мощная прослойка, имеющая деньги и стремящаяся превратить их в капитал¹, является бюрократической буржуазией. Небезынтересно отметить, особенно в сравнении с численностью рабочего класса, указанной выше, численность правительственных служащих: в 1966 г. их было 1 млн. 418 тыс., не считая военных, а в 1968 г. — до 2 млн., а с армией — 2 млн. 471 тыс. 185 человек [23, № 5, с. 104; 47, с. 43]. Что же касается большой роли китайской буржуазии в экономической жизни Индо-

¹ Отсюда — термин «бюрократический капитал», термин неточный, так как это еще не капитал в марксистском понимании.

незии, то в этническом плане это означает, что индонезийское буржуазное общество чревато серьезными межэтническими конфликтами, что — в отношении китайского некоренного населения — неоднократно подтверждалось и продолжает подтверждаться (достаточно указать на многократные антикитайские выступления с преимущественной их локализацией в тех районах Индонезии, которые имеют активную местную буржуазию из представителей коренного этноса).

Однако межэтнические конфликты имели место и потенциально могут иметь место не только между собственно индонезийцами и китайцами, но и между отдельными народами Индонезии, причем застрельщиком в этих конфликтах выступает и будет выступать — доколе она останется руководящей силой — буржуазия. Сегодня в Индонезии каждый многочисленный этнос страны имеет свою буржуазию и прослойку буржуазной интеллигенции. Наиболее сильными группами индонезийской буржуазии являются яванская, минангкабауская, сундская, буржуазия Восточной Суматры и побережий Калимантана (малайцы Индонезии), амбонская, бугская, макассарская, банджарская, минахасская, ачесская, тоба-батакская, балийская, мадурская, растущая мелкая буржуазия Южной Суматры (реджангская, абунгская и пр.).

Каждая из этнических групп индонезийской буржуазии помимо различия в этнической принадлежности имеет ряд специфических исторических и социально-экономических особенностей. «Например, для яванской народности, — пишет Н. А. Симония, — было характерно преобладание мелкобуржуазных (преимущественно городских) и пролетарских (сельских и городских) элементов. У мадурцев была более значительная (пропорционально численности населения) прослойка сельской буржуазии и зажиточного крестьянства, чем у яванцев. В Западной Яве наблюдалось развитие крупного (нефеодального) землевладения, в то время как у минангкабау уже до второй мировой войны начала появляться сравнительно крупная торговая буржуазия и т. д.» [13, с. 72]. После 1945 г. особенно благоприятные условия сложились для буржуазии Внешних Провинций, т. е. для районов вне Явы, особенно Суматры, так как здесь имелись большие возможности для накопления. Укрепляются позиции минангкабауской буржуазии и буржуазии Восточной Суматры, растет слой буржуазии у батаков, особенно тоба [9; 21; 22; 24; 26; 34; 43]. Но ведущее положение в политической жизни страны играет по-прежнему буржуазия Явы.

Естественно, что особенности буржуазии каждого народа нашли отражение в характере ее участия в национально-освободительной борьбе и в современной борьбе против империализма, а также и в отношении к решению национального вопроса. В своей массе она выступала и выступает против иностранного господства (хотя степень ее участия в антииностранных

ной борьбе в настоящее время различается в большей мере, чем в период борьбы за независимость). В то же время в вопросах внутренней этно-национальной политики ее позиции нередко резко различаются в зависимости от этнической принадлежности [13, с. 64—77; 35, 45].

Выразителем идей национального самосознания, как и в первые десятилетия нашего века, являются представители разных групп интеллигенции [19; 35; 41]. При этом интеллигенция выступает проводницей идей того класса, с которым данная группа интеллигенции исторически связана. Так как в современной Индонезии интеллигенция является буржуазной по своему происхождению (в основном это радикальная мелкая буржуазия и в меньшей степени — феодальная), она оказалась проповедницей идей буржуазного национализма в его светской или религиозной форме — преимущественно общеиндонезийского, в отдельных случаях — узкоэтнического или регионального, включающего несколько этносов, например суматранского, восточноиндонезийского и т. п. (некоторые идеологи сепаратизма).

Социальная структура прежде всего обнаруживает себя в структуре и деятельности партий. В целом в жизни освободившихся стран общенациональные и общегосударственные партии имеют безусловный приоритет. Именно они, как пишет Р. Э. Севортян, олицетворяют «буржуазный многонациональный союз, который оплачивает общность интересов имущих классов различных общин» [4, т. 1, с. 426].

Вообще, для Индонезии характерно подавляющее преобладание общеиндонезийских политических партий, как это было и до революции [10; 15]. Этнических организаций возникло немного: «Союз даякского единства» (даяки); «Союз индонезийской демократии» (банджары); «Фронт сундской молодежи»; партия «Пробуждение народа сималунгун Восточной Суматры»; «Организация борьбы за автономию Восточной Суматры» и ряд других [29, с. 491—492; 35; 38, с. 190—195]. Некоторые этнические организации ставили перед собой чисто экономические задачи, например «Минанг Сайо» — у минангкабау, другие — культурные и религиозные, например «Партия индуистской религии» — у балийцев. Некоторые из таких организаций вели активную деятельность против других партий (например, «Фронт сундской молодежи» выпустил памфлет «Сокрушить НПИ и яванский империализм»). В течение определенного времени, иногда достаточно длительного, подобные организации могли иметь успех в своей этнической среде. Чрезвычайно показательны результаты выборов в округе Сималунгун, населенном одноименной этнографической группой, являющейся подразделением батакского этноса. Здесь в семи районах узкоэтническая партия «Пробуждение народа сималунгун Восточной Суматры» завоевала очевидное большинство (43,7% голосов) в

сравнении с другими партиями (Национальной, Коммунистической и др.) [38, с. 192]. Эти выборы показали, что, как пишет В. Лиддл, «община батаков-сималунгунов, в особенности ее протестантское и анимистическое подразделения, была в высшей степени восприимчива к идее прямого политического представительства своей этнической группы. Лидеры партии „Пробуждение народа сималунгун Восточной Суматры“ оформили свой призыв не в виде лозунгов, призывающих к восстановлению традиционного правления (что, как они знали, было невозможно), а скорее на основе этнической солидарности под традиционным руководством в противовес группам мигрантов. Популярность партии в Верхнем Сималунгуне была сравнима с поддержкой, которую мнимо неэтнические (разрядка наша.— Ю. М.) партии Паркиндо, Машуми и Национальная получали от общин Северного Тапанули, Южного Тапанули и яванской» [38, с. 192]. Заметим, что общины Северного и Южного Тапанули включали в себя этнические подразделения батаков, отличные от сималунгунов.

Но все же подобные «партии» пока так и не стали политическими партиями в полном смысле слова, да, вероятно, в ближайшее будущее и не станут ими, если принять во внимание политику нынешнего индонезийского руководства, проводящего политику «упорядочения» партий под лозунгом «национального единства». Организации, созданные на основе этнической принадлежности тех, кто в них входит, как правило, не пользовались широкой популярностью, они были в большинстве своем недолговечны и далеко не имели такого политического значения, как общеиндонезийские. Так, успех на выборах 1955 г. местной этнической партии сималунгунов оказался мнимым, ибо лидеры партии покинули ее, считая более удобным и выгодным для себя сотрудничество в общенациональных партиях и организациях, и партия была распущена в 1961 г. [38, с. 193].

В условиях подъема общеиндонезийской национально-освободительной борьбы только общеиндонезийские партии могли рассчитывать на массовую поддержку. Напомним, кстати, что до 70% населения сосредоточено на Яве, и открытая местно-националистическая программа любой неяванской партии лишила бы ее поддержки населения этого острова.

Однако чрезвычайно важен тот факт, что чисто этнические мотивы можно вскрыть и в деятельности общендонезийских партий,— факт, на который большинство специалистов не обращают внимания. Впервые, насколько нам известно, это обстоятельство отметили американские исследователи Х. Фис [29; 30] и Д. Легг [37] и советский ученый Н. А. Симония [13]².

² Подобное невнимание к этническим мотивам, которые могли быть скрыты за программами, лозунгами и действиями общенациональных партий и организаций, было характерно и для анализа ситуации в других полиэтни-

Первое детальное исследование этой проблемы, но на ограниченном материале (была рассмотрена ситуация в одном лишь районе Северной Суматры, правда достаточно сложном в этническом и социокультурном отношении) проделал американский исследователь В. Лиддл. Он подверг анализу деятельность партий и их местного руководства с точки зрения их роли в интегрированном процессе формирования нации в Индонезии, так определив свою цель: «В данной работе поставлена задача исследовать проблемы, выдвигаемые существованием партикуляристских, субнациональных привязанностей и наличием разрыва между элитой и массой в Индонезии, через анализ интегрирующей роли политической организации и руководства» [38, с. 7]. Отметив сложность этно-национального развития Индонезии, он достаточно убедительно показал наличие четких этнических интересов даже у одного подразделения одного из многочисленных этносов Индонезии.

О степени выражения этнических интересов той или иной партией можно судить по ее руководителям, ее составу, ее популярности у того или иного народа. Так, наиболее влиятельные лидеры НПИ — родом с Явы, а подавляющее большинство ее членов — яванцы³, лидеры же «Нахдатул Улама» — уроженцы Восточной Явы и Мадур. Там за эти партии на выборах 1955 г. было подано соответственно 86 и 86,6% голосов, собранных этими партиями по всей Индонезии [13, с. 116; 30, с. 76]. Подавляющее большинство голосов за КПИ было подано на Яве; на яванский в основном состав КПИ обращают внимание многие авторы [39]. Любопытно, что и за пределами Явы яванцы сохраняли привязанность к «своим» партиям. Так, на Восточной Суматре, в округе Сималунгун, в 1961 г. они составили 48,2% численности местного отделения Национальной партии и 50% Компартии Индонезии [38, с. 111, 113].

Из других крупных общеиндонезийских партий отметим «Машуми», которая в 1955 г. получила 50% голосов на Центральной Суматре (т. е. у минангкабау), остальную половину — в других районах страны, причем на Яве она получила пропорционально населению минимальное число голосов [30; 37, с. 233]. Точно так же 70% голосов, поданных за партию «Движение за мусульманское воспитание», были минангкабаускими (в некоторых районах Западной Суматры это единственная

ческих странах. Лишь с начала 60-х годов стали появляться первые исследования, затрагивавшие проблему проявления этничности в условиях борьбы за общенациональное единство [25; 28; 31; 36; 42].

³ См., например, список фамилий уволенных и вновь назначенных в начале 1967 г. парламентариев — членов НПИ [48]. Небезынтересно также обратить внимание на то, что в первом республиканском правительстве (август—декабрь 1945 г.) были только яванцы [35, с. 139, 324—325]. Материал по этническому составу индонезийских республиканских правительств и высшего военного командования имеется в сборниках «Индонезия», издаваемых Корнеллским университетом в США [33].

партия). Отданные за «Союз поддержания свободы Индонезии» 75% голосов были сундскими. Партия «Союз великой Индонезии» была создана в Джокьякарте яванской аристократией. Такие партии, как Католическая и Христианская, имеют также до некоторой степени этнический характер, так как распространены среди немногих народов, исповедующих католичество (Флорес) или протестанство (минахасы, амбонцы, тоба-батаки, народы Юго-Восточного Сулавеси).

Характерно, что и популярность того или иного лидера зависит не только от классовых позиций, им защищаемых, но и в некоторой степени от его этнической принадлежности. Сукарно (рожден от отца-яванца и матери-балийки и воспитан в духе яванских и балийских культурных традиций) был особенно популярен на Яве и Бали, где он являлся харизматической фигурой; в то же время в других районах Индонезии к нему относились, признавая его заслуги в революции, скептически, в частности «по подозрению в пристрастности к яванцам», и критиковали «за авторитарность и централизм режима Джакарты» [38, с. 215].

Существенно отметить, что раскол некоторых партий приводил к этническому размежеванию внутри них. «Часто... можно наблюдать,— пишет Р. Г. Ланда,— как противоречия внутри той или иной партии, политического движения или временного классового союза совпадают с противоречиями между уроженцами различных областей, представителями различных вероисповеданий и даже даже религиозных сект. Принадлежность к традиционному коллективу во всех этих случаях обычно доминирует над более смутно ощущаемыми экономическими и социальными интересами» [4, т. 1, с. 279]. То, что отметил Р. Г. Ланда в Индии и странах Арабского Востока, в значительной мере относится и к ситуации в Индонезии. Так, в 1954 г. образовались две фракции в «Партии великой Индонезии» — яванская и не-яванская; то же произошло в 1956 г. в Национальной народной партии и т. д. С другой стороны, блокирование партий облегчалось этническими моментами (например, блок Национальной партии и «Нахдатул Улама»).

Важно подчеркнуть, что в условиях подъема общенациональной освободительной борьбы участие в общеиндонезийских партиях и организациях для представителей отдельных народов страны, особенно для местной буржуазии, было иногда единственно возможным способом добиться хотя бы частичного осуществления своих, местных, связанных с определенным этносом целей. Таким образом, общеиндонезийские организации были в некоторых случаях прикрытием, которое, с одной стороны, позволяло скрывать регионально-этнические интересы, а с другой — в той или иной степени пытаться проводить их в жизнь. Все это учитывало нынешнее военное руководство Индонезии, которое в целях борьбы с какими бы то ни было за-

метными проявлениями социально-политической и этнической оппозиции в начале 1973 г. провело радикальную реорганизацию всех партий в стране, хотя к тому времени это были уже почти исключительно общеиндонезийские партии: 5 января была создана Партия единства и развития (на базе слияния четырех основных мусульманских партий), а 10 января — Демократическая партия Индонезии (в результате слияния Национальной, Католической, Христианской партий, партии «Мурба» и Союза защитников независимости Индонезии).

В связи с изложенным выше нам представляется неоправданной недооценка роли этнических интересов и особенностей при анализе политических и социальных сил в Индонезии, исследовании причин, вызывающих их к движению и размежеванию, а также прогнозировании их возможного проявления в будущем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белснький А. Б. Национальное пробуждение Индонезии. М., 1965.
2. Губер А. А. Индонезийский народ в борьбе за независимость. — Кризис колониальной системы. Национально-освободительная борьба народов Восточной Азии. М.—Л., 1949, с. 137—178.
3. Другов А. Ю., Резников А. Б. Индонезия в период «направляемой демократии». М., 1969.
4. Зарубежный Восток и современность. Основные закономерности и специфика развития освободившихся стран. Т. 1—2. М., 1974.
5. Лаврентьев А. К. Тайная война против Индонезии. М., 1960.
6. Маретин Ю. В. Значение внутреннего рынка для Индонезии и трудности его формирования. — «Третий мир»: стратегия развития и управление экономикой. М., 1971.
7. Маретин Ю. В. Основные тенденции национального и этнического развития современной Индонезии. — Колониализм и национально-освободительное движение в странах Юго-Восточной Азии. Сборник статей памяти академика А. А. Губера. М., 1972.
8. Маретин Ю. В. Особенности бахаса Индонезии как государственного языка Республики Индонезии. — Вопросы социальной лингвистики. Л., 1969, с. 182—218.
9. Маретин Ю. В. Община минангкабау и ее разложение (первая треть XX века). — Восточноазиатский этнографический сборник. II (Труды Института этнографии АН СССР. Т. 73). М., 1961.
10. Национально-освободительное движение в Индонезии (1942—1965). М., 1970.
11. Пахомова Л. Ф. Национальный капитал в экономике Индонезии. М., 1966.
12. Рабочий класс стран Азии и Африки. Справочник. М., 1964.
13. Симония Н. А. Буржуазия и формирование нации в Индонезии. М., 1964.
14. Сукарно. Индонезия обвиняет. М., 1956.
15. Цыганов В. А. Национально-революционные партии Индонезии (1927—1942). М., 1969.
16. Этнические процессы в странах Юго-Восточной Азии. М., 1974.
17. Юрьев А. Ю. Индонезия после событий 1965 г. М., 1973.
18. Abdulgani R. In Search of an Indonesian Identity. [S. l.], [s. a.].

19. Auwjong P. K. Traditionalisten und Internationalisten unter den indonesischen Intellektuellen.—«Saeculum». Bd 10, 1959, № 4, c. 329—359.
20. Benda H. J. Revolution and Nationalism in the Non-Western World.—W. S. Hunsberger (ed.). New Era in the Non-Western World. Ithaca, 1957.
21. Bouman J. C. [a. o.]. The South Moluccas: Rebellious Province or Occupied State. Leiden, 1960.
22. Bruner E. M. Urbanization and Ethnic Identity in North Sumatra.—«American Anthropologist». 1961, vol. 63, № 3.
23. «Bulletin of Indonesian Economic Studies». Canberra.
24. Castles L. Religion, Politics and Economic Behaviour in Java. New Haven, 1967.
25. Coleman J. S. and Rosberg C. G. (eds.). Political Parties and National Integration in Tropical Africa. Berkeley — Los Angeles, 1964.
26. Cunningham Cl. The Postwar Migration of the Toba-Bataks to East Sumatra. New Haven, 1958.
27. Dahm B. Sukarnos Kampf um Indonesiens Unabhängigkeit: Wedergang und Ideen eines asiatischen Nationalisten. Berlin — Frankfurt a/M., 1966.
28. Emerson R. From Empire to Nation. Cambridge, 1960.
29. Feith H. The Decline of Constitutional Democracy in Indonesia. N. Y., 1962.
30. Feith H. The Indonesian Elections of 1955. Ithaca, 1957.
31. Geertz Cl. The Integrative Revolution, Primordial Sentiments and Civil Politics in the New States.—Geertz Cl. (ed.). Old Societies and New States. N. Y., 1963.
32. Hindley D. Alirans and the Fall of Old Order.—«Indonesia». Ithaca, 1970, № 9, c. 23—66.
33. «Indonesia». Ithaca, 1966—1974, №№ 1—18.
34. Jaspán M. A. Social Stratification and Social Mobility in Indonesia. 2nd enl. ed. Djakarta, 1961.
35. Kahin G. McTurnan. Nationalism and Revolution in Indonesia. 3rd print. Ithaca, 1955.
36. LaPalombara J. and Weiner M. (eds.). Political Parties and Political Development. Princeton, 1966.
37. Legge J. D. Central Authority and Regional Autonomy in Indonesia: A Study in Local Administration. 1950—1960. Ithaca, [1961].
38. Liddle R. W. Ethnicity, Party, and National Integration: An Indonesian Case Study. New Haven — London, 1970.
39. «Le Monde». P., 28.XII.1968.
40. Nasution A. H. Sedjarah kebangsaan. Djakarta, 1951.
41. Niel R., van. The Emergence of the Modern Indonesian Elite. Chicago [a. o.], 1960.
42. Pye L. Politics, Personality, and Nation-Building. New Haven, 1962.
43. Saroso Wirodihardjo. Masalah usahawan nasional. Djakarta, 1959.
44. Sitorus L. M. Sedjarah pergerakan kebangsaan Indonesia. Tjet. ke-2. Djakarta, 1951.
45. Skinner G. W. (ed.). Local, Ethnic and National Loyalties in Village Indonesia: A Symposium. New Haven, 1959.
46. «Statistik Indonesia. Statistical Pocketbook of Indonesia. 1964—1967». Djakarta, [1968].
47. Suharto. Address of State Delivered by H. E. President Suharto to the Dewan Perwakilan Rakyat Gotong Royong on the Eve of the Independence Day 16th of August 1968. [Djakarta], [1968].
48. «Warta-C. A. F. I. [Commercial Advisory Foundation in Indonesia]». Djakarta, 14.II.1967.
49. Wertheim W. F. Indonesian Society in Transition. 2nd rev. ed. The Hague and Bandung, 1959.
50. Widjojo Nitiasastro. Public Policis, Land Tenure and Population Movements.—Land Tenure, Industrialization and Social Stability: Experience and Prospects in Asia. Milwaukee, 1961, c. 201—213.